

Мельников Михаил Васильевич

ДИХОТОМИЯ ПРИВАТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В ПРОБЛЕМАТИКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Цель статьи - исследование использования в социологии дихотомии частного и публичного и обоснование применения полученных результатов для объяснения происходящих в социуме изменений. Недостаточная интенсивность изучения социологами частного и публичного вызвана издержками существующей системы дисциплинарных границ между науками. Автор доказывает, что частное и публичное вправе претендовать на роль одного из фундаментальных теоретических различий и объяснительных принципов в социологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 123-128. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

23. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года [Электронный ресурс]: утв. Правительством РФ 14 мая 2015 г. URL: <http://base.garant.ru/70309020/> (дата обращения: 12.05.2015).
24. Платон. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. 752 с.
25. Российская общественная инициатива [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/18170/> (дата обращения: 28.04.2015).
26. Ростю У. У. Стадии экономического роста. Нью-Йорк, 1981. 240 с.
27. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
28. Социальная политика: учебник / под общ. ред. Н. А. Волгина. М.: Экзамен, 2003. 736 с.
29. Субетто А. И. Сочинения. Ноосферизм: в 13-ти т. СПб. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. Т. 8. Квалитативизм: философия и теория качества, квалитология, качество жизни, качество человека и качество образования. Книга 1 / под ред. Л. А. Зеленова. 392 с.
30. Укрепление здоровья и профилактика заболеваний (основные термины и понятия) [Электронный ресурс] / под ред. Р. Г. Оганова и А. И. Вялкова. М., 2009. URL: http://www.med.cap.ru/home/549/v%20pomozh%20medrab/glossarij_uzipz.doc (дата обращения: 12.11.2015).
31. Уэрмер Дж. Теория потенциала. М.: Мир, 1980. 136 с.
32. Что такое Эталон? Значение слова Эталон в социологическом словаре [Электронный ресурс]. URL: <http://diclist.ru/slovar/sociologicheskij/e/etalon.html> (дата обращения: 23.04.2015).
33. Что такое Эталон? Значение слова etalon, философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/philosoph/etalon> (дата обращения: 23.04.2015).
34. Ширматова Г. Взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур и развитие эстетического восприятия: дисс. ... к. филос. н. Ташкент, 1974. 196 с.
35. Bauer R. Social Indicators. L., 1969. 357 p.
36. Toffler A. The Adaptive Corporation. N. Y.: Bantam Books, 1985. 217 p.

DUALISM OF IDEAS ABOUT “QUALITY OF LIFE” IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Makarov Andrei Valer'evich, Ph. D. in Philosophy
Tver State Medical University
danya72@mail.ru

Mikheev Mikhail Igorevich, Ph. D. in Philosophy
Chistyakova Dar'ya Dmitrievna
Tver State Technical University
danya72@mail.ru

The article is devoted to the philosophical understanding of the phenomenon “quality of life” from the perspective of modern interpretation and to the meaningful definition of the standard “quality of life”. The standard “quality of life” has a historical nature, it is conditioned by economic, political, social discourses and at the same time it is connected with the identity of the individual. The formation of social identity is influenced by cultural products. The peculiarity of the Russian society is in the insufficient prevalence of the formation mechanisms of positive identity. A need to create socio-attractive images arises.

Key words and phrases: standard “quality of life”; positive identity; negative identity; social perception; cultural products.

УДК 316.4

Социологические науки

Цель статьи – исследование использования в социологии дихотомии частного и публичного и обоснование применения полученных результатов для объяснения происходящих в социуме изменений. Недостаточная интенсивность изучения социологами частного и публичного вызвана издержками существующей системы дисциплинарных границ между науками. Автор доказывает, что частное и публичное вправе претендовать на роль одного из фундаментальных теоретических различий и объяснительных принципов в социологии.

Ключевые слова и фразы: дихотомия частного и публичного; частное; публичное; частная сфера; публичная сфера; индивидуально-личное и социально-общественное начала человеческой природы.

Мельников Михаил Васильевич, к. соц. н.
Новосибирский государственный технический университет
halkidon_n@list.ru

ДИХОТОМИЯ ПРИВАТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В ПРОБЛЕМАТИКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ[©]

Познавательная деятельность в науке связана, во многом, «с выявлением тождества и различия объектов» [18, с. 459] как двух групп основных типов отношений [17, с. 169]. Б. И. Федоров пишет о тождестве

и различия как о двух группах основных типов отношений. В группу отношений сходства входят отношения тождества, частичного совпадения или пересечения, подчинения или субординации. В группу отношений различия входят отношение соподчинения или координации, противоречия и противоположности. Гносеологическая природа тождества характеризуется Федоровым как обнаружение полного совпадения сравниваемых объектов по отдельным, многим или всем присущим им свойствам или признакам. Гносеологическая природа противоречия связана с обнаружением у сравниваемых объектов взаимоотрицательных свойств или признаков. У одних сравниваемых объектов одни и те же искомые признаки могут наличествовать, а у других – отсутствовать. При описании или изучении отношений противоречия используется процедура дихотомического, или двучленного деления. Г. И. Рузавин характеризует дихотомию как «разделение объема понятия на две части, каждая из которых исключает другую, а вместе исчерпывают объем понятия. Деление в дихотомии производится на основании наличия или отсутствия признака» [19, с. 194]. Применение дихотомий в научном познании связано как с пониманием существования объективных различий между вещами, так и с пониманием, что целое интегрируется производством своей сложности с помощью различий. Поэтому производством различий вещей является необходимым условием для производства целого.

К наиболее известным дихотомиям или теоретическим дилеммам в социологии Э. Гидденс относит дилемму деятельности и социальной структуры (Вебер *versus* Дюркгейм) и дилемму консенсуса и конфликта (Парсонс *versus* Маркс) [2, с. 572]. Применение этих дилемм может помочь социологам лучше изучить различные стороны состояния и направления развития современного социума. Для изучения одних процессов целесообразнее использовать дихотомию деятельности и структуры, для изучения других – дихотомию порядка и конфликта. Суть и актуальность подхода, представленного в настоящей статье, состоит в том, что существуют, но остаются плохо изученными, социальные процессы, для изучения которых целесообразнее применять дихотомию приватного и публичного. Цель, поставленная автором, заключается в исследовании использования в теоретической социологии дихотомии приватного и публичного и обосновании применения ранее полученных научных результатов для объяснения происходящих в социуме изменений.

Выполненная автором работа по выявлению применения дихотомического метода в социологии позволяет сделать вывод о том, что приватное и публичное включаются в пары противоположных понятий сравнительно редко, как и вообще в списки социологических понятий. Их нет в списках Я. Щепаньского [22], Е. Д. Гражданникова и Ю. П. Холюшкина [3], Э. Гидденса [2]. А. Селигмен отметил, что «в области социологии идеи публичного и частного остаются поразительно неконцептуализированными» [13, с. 116]. Вывод о том, что изучение социологами приватного и публичного ведется недостаточно интенсивно, делают и российский исследователь С. В. Дамберг и Н. В. Соколов. Приступая к изучению новой публичности и новых публичных мест Санкт-Петербурга, эти авторы подчеркнули, что в связанной с их исследовательским интересом предметной области «социологический понятийный аппарат крайне не развит...» [5, с. 35]. Приватное и публичное нечасто встречаются и в социологических словарях. Приватное (*private*), но не в паре с публичным приводится в «Социологическом энциклопедическом англо-русском словаре» С. А. Кравченко [10, с. 377]. Публичное, но тоже не в паре с приватным, рассматривается в энциклопедии по социологии, изданной в Минске [14, с. 821]. Дихотомия приватного и публичного (*public/private*) рассматривается только в одном известном автору словаре [28, р. 160]. Объяснение этих фактов может быть связано с влиянием на предпочтение социологов работать с изучением одних объектов и применением для этого одних понятий, игнорируя другие, существующей до сих пор системы разделения труда между социологией, политологией и экономической теорией.

Но интерес социологов к изучению приватного и публичного существует. Прежде всего, в тех исследовательских областях научной работы в социологии, которые могут быть названы пограничными областями, сближающими социологию с политологией и экономической теорией. Дж. Вайнтрауб указал четыре направления, в которых различия между приватным и публичным представлены в социологическом и политическом анализе [32, р. 7]. Первый подход – либерально-демократическая модель, рассматривающая дихотомию приватного и публичного в форме различия между индивидами и социальными организациями, основанными на системе контрактов, с одной стороны, и государством и его институтами, – с другой. Защитниками свободы индивидуалистических действий являются Дж. Локк, А. Смит, Г. Беккер, М. Олсон. В основу второго подхода возложено представление о ценности республиканских добродетелей. Его сторонники рассматривают сферу публичного в понятиях политического сообщества и гражданственности. Наиболее известные версии концепции публичной сферы созданы А. де Токвилем, Х. Арндт и Ю. Хабермасом. Третий подход рассматривает публичное как сферу текучей и полиморфной общительности и анализирует культурные и драматические конвенции. Этот подход представлен в работах И. Гофмана и Ф. Арьеса. Четвёртое направление представлено феминизмом, уделяющим внимание связи между различием приватного и публичного с различием между семьёй, с одной стороны, и экономическим и политическим порядком, – с другой.

Дж. Бейли также назвал несколько социологических традиций, в которых можно обнаружить проблематику, связанную с дихотомией приватного и публичного [24]. Во-первых, это франкфуртская школа, изучавшая воздействие социальной структуры капиталистического общества на индивида и его чувства. Во-вторых, это психоанализ, в котором велись поиски взаимосвязи между политическими условиями и самоидентичностью, между самостью и социальным порядком. В-третьих, это работы М. Фуко, считавшего, что внутренние импульсы «Я» находятся под влиянием социального мира, и что власть определяет даже интимные чувства человека. В-четвертых, это интерпретативное направление в социологии, представленное символическим интеракционизмом, драматургическим подходом И. Гофмана, этнометодологией. Все эти направления Бейли рассматривает в контексте развития социологии в XX веке, в конце которого в социальном порядке

многих стран и мировоззрении людей происходят существенные изменения. Главное из них: переход от публичного мира государства и гражданского общества к аполитичной частной жизни. Причинами этого Бейли называет разочарование в политике, крах идеологических и политических утопий, ослабление социальной солидарности. Особенности поздней современности становятся возрастание значения таких форм частной жизни, как субъективность, воображение, интимность и бессознательное.

Реакцией на эти перемены является повышение интереса социологов к изучению частного, но уже не в паре с публичным. К. Мюллер отметил, что с социологической точки зрения более полезно фокусировать внимание на взаимодействиях и на социальных отношениях вместо концентрации на «территориальных» концептах приватности, выраженных во фразе «мой дом – моя крепость» [31]. С такой точки зрения социологическому изучению приватности могут быть полезными подходы Г. Зиммеля и И. Гофмана. Мюллер уделит внимание социально-исторической перспективе изучения приватности, указав, что он является сторонником подхода М. Фуко. С социологической точки зрения экономически нагруженное понятие индивидуализированного субъекта справедливо критиковалось как методологический индивидуализм, недооценивающий важность значения социальных групп и социальных институтов. Руководствуясь последней точкой зрения, Мюллер критикует теории рационального выбора и социального обмена.

В других научных трудах, посвященных дихотомии частного и публичного, социологический профиль ее изучения открыто не выделяется. Но анализ содержания дихотомии частного и публичного, выполненный П. Верхейн, С. Гал, Э. Мак-Кензи, Г. Т. Марксом, Р. Рорти, Х. Чарльзуорт, Ю. В. Шкудуновой, представляет интерес для социолога. В определенном смысле эти подходы могут рассматриваться как попытки, направленные на создание «единой синтетической теории публичного и частного», о которой писал А. Селигмен. Но для того, чтобы эта теория появилась, необходимо преодолеть несколько серьезных препятствий теоретического и методологического плана.

Первое препятствие состоит в том, что понятия частного и публичного включают в себя множество значений, имеющих особый смысл в разных научных и культурных традициях. Частное может трактоваться как что-либо, относимое к сфере личных, семейных, дружеских отношений человека, и при этом не получать негативных коннотаций. Но известные и другие его трактовки. Дж. Ролз писал о частном обществе (*private society*) [12, с. 453]. Составляющие это общество люди стремятся к достижению собственных частных целей, не дополняющих друг друга. Более того, они противостоят друг другу. Общественные институты не имеют в таком обществе никакой ценности. В отличие от первого примера частное получает здесь весьма критическую характеристику. Немало трудностей возникает и при попытке определения значения публичного. Оно может трактоваться как общественное и одновременно как государственное в понятии публичной власти, например, Т. Гоббсом и Дж. Локком. Разграничение публичной и частной сфер, в том числе властной сферы, является тем признаком, который некоторые исследователи, например, Дж. Читтолини, рассматривают как отличие современного, то есть правового, социального и либерально-демократического государства, от политических практик, именуемых приватистскими (*privatistic*) [26, р. 34]. Читтолини относит к таким практикам клиентелизм, коррупцию, фаворитизм и непотизм. Всё это он противопоставляет таким признакам современного государства, как следование принципу общего блага, рациональность, модернизация. Но, с другой стороны, государство и общество, а значит, государственное и общественное, не могут рассматриваться как синонимы. Как показывает всемирная и российская история, государство и общество нередко смотрели друг на друга как на противников. Еще одна трудность заключается в соответствии друг другу значений понятий публичного и общественного. Публичное ассоциируется у многих людей не столько с обществом, сколько с государством, государственным управлением, с бюрократией и неэффективностью [11, с. 299].

Второе препятствие связано с тем, что понятия публичного и частного чаще становятся объектом изучения в политической, а не социальной теории. О. Н. Кострюкова, Г. Р. Осипов и А. А. Саренков пишут о четком разделении публичного и частного пространств как об одном «из важнейших оснований европейской политической традиции» [9, с. 65]. В таком же ключе исследует эти понятия Х. Чарльзуорт [25], для которой дихотомия частных и публичных видов деятельности и сфер жизни является основной в либеральном направлении в политической и правовой мысли Запада. М. Клэдис использует эти понятия в приложении к социальной философии Ж.-Ж. Руссо, исследованиям в области политики, женщин, эпистемологии, социализма, дискуссий между либералами и коммунитаристами [27].

Третье препятствие заключается в том, что частное и публичное редко становились основным объектом изучения в классической социологической традиции. Упоминания этих понятий в работах классиков, как правило, случайны, либо частное и публичное используются наряду с другими понятиями, чтобы выразить какие-то стороны в изучаемом объекте. Приведем в качестве примера изучение Ф. Тённисом общности и общества. «Всякая доверительная, сокровенная, исключительная совместная жизнь (как мы находим) понимается как жизнь в общности. Общество же – это публичность, мир» [15, с. 10]. Тённис не раз возвращается к характеристике противоположности общности и общества, используя для выражения свойств общности признаки, обычно связываемые с частной сферой, а для выражения свойств общества признаки публичной сферы. Одним из признаков Тённис рассматривает гендер. Сфера общественной жизни и дом «преимущественно, и даже с необходимостью, принадлежит женщинам» [Там же, с. 241]. Тогда как мужчина, действующий и работающий вне дома с присущей ему рациональностью «во всех отношениях является вполне общественным человеком...» [Там же, с. 250]. Заключение, подобное этим, часто встречается в трудах, посвященных связи дихотомии частного и публичного с гендерным порядком общества. Но если в этих трудах связи частной сферы с женщинами, а публичной сферы с мужчинами уделено главное внимание,

то Тённис лишь упоминает ее, чтобы лучше выразить различия между общностью и обществом. К таким же выводам можно прийти, обратившись к работе Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда». В одном месте он пишет о том, что «уже давно женщина удалилась от военных и общественных дел, давно уже жизнь ее целиком сосредоточилась внутри семьи» [7, с. 66]. В другом – о публичном и частном праве, при этом, отмечая, что «когда мы пытаемся анализировать эти термины, то демаркационная линия, казавшаяся столь ясной на первый взгляд, стирается. Всякое право является частным в том смысле, что постоянно и всюду существуют и действуют только индивиды; но прежде всего всякое право является публичным в том смысле, что оно – социальная функция и что все индивиды – хотя и различным образом – суть должностные лица общества» [Там же, с. 75]. В третьем о том, что «область религии не только не увеличивается одновременно с областью мирской жизни, но все более и более сокращается» [Там же, с. 178]. В каждом из этих мест мы встречаем тезис, получивший раскрытие в научных трудах, посвященных приватному и публичному. В первом примере можно упомянуть о понятии «приватизация женщин» (privatization of women), с помощью которого Д. Рисмен характеризовал однообразие жизни многих американских домохозяек, превратившихся в настоящих узниц коттеджей, в которых они проживают вместе с мужем и детьми [33, р. 282]. В примере с правом мы можем найти сходство с распространенной в наши дни практикой, в рамках которой государственные ресурсы рассматриваются чиновниками «не только и не столько для реализации интересов избирателей, сколько для удовлетворения своих личных (частных) интересов» [11, с. 68]. В примере с религией мы видим краткую, но верную, характеристику Дюркгеймом процесса, получившего известность, например, у Шенфельда, как «приватизации религии» [34]. Но эти примеры не могут рассматриваться как основание, позволяющее считать Дюркгейма и Тённиса социологами, которые внесли существенный вклад в формирование и развитие социологического изучения дихотомии приватного и публичного.

Но наличие этих препятствий не должно рассматриваться как основание для отказа от продолжения попыток социологической концептуализации дихотомии приватного и публичного. Эти попытки могут быть успешными, если сравнивать социологическую концептуализацию с попытками концептуализации приватного и публичного, предпринимаемыми представителями других наук – истории, политической и экономической теории. Экономист А. Хиршман утверждает (в интерпретации историка А. Шлезингера-младшего), что со времени промышленной революции западное общество «движется туда-сюда между периодами поглощённости делами частных лиц и периодами занятости общественными проблемами. Это периодические повороты, по его словам, между “частным интересом” и “общественной активностью”» [21, с. 44]. Другими словами, Хиршман рассматривает изменения в отношениях между повышением интереса большинства людей к общественным или к частным делам, или, в общем, к публичному и приватному (частному) как изменения циклического характера. Современный вариант применения циклического подхода к изучению социодинамических изменений в обществе в целом и в экономической его сфере представлен в работе экономистов Р. С. Гринберга и А. Я. Рубинштейна [4, с. 219]. Деятельность государства в его отношении с обществом и его экономической подсистемой отражает двухсторонний процесс движения материальных и финансовых ресурсов: от их обобществления к приватизации и наоборот. Обобществление представляет собой переход материальных и финансовых ресурсов от отдельных индивидуумов к общностям и сообществам людей, к обществу в целом. Решающим мотивом обобществления ресурсов (средств) является актуализация соответствующих общественных интересов и невозможность их реализации на более низком уровне общности. Приватизация же представляет собой движение материальных и финансовых средств от общества в целом к отдельным сообществам, общностям и индивидуумам, включая снижение налогового бремени. Обобществление и приватизация как социодинамические процессы в обществе описываются Гринбергом и Рубинштейном с помощью принципа оптимума социолога и экономиста В. Парето. Перемены возникают вследствие напряжения в обществе, вызванного необходимостью сложного выбора между несовместимыми потребностями. Стремясь разрешить возникающие в периоды изменений конфликты, люди устремляются в направлении, приводящем к новому согласию. Таким образом, изменения носят волнообразный характер.

В отличие от экономиста Хиршмана социолог Г. Зиммель еще в начале прошлого века писал о том, что «общая схема культурной дифференциации выглядит так: всё, что относится к публичному, становится всё более публичным, а всё, что относится к индивидуальному становится всё более приватным» [35, р. 469]. Эти слова подтверждают подход Зиммеля к пониманию социальной дифференциации как процесса развития, идущего «ко все большей свободе личности, к богатству ее культурных содержаний и возможностей, к увеличению и богатству общества через увеличение и усложнение социальных форм» [8, с. 331]. Уже в наше время экономист Л. И. Абалкин выделил две глобальные магистральные тенденции социально-экономического развития за последние полтора-два столетия [1]. Первая из них связана с распространением личных прав и свобод, утверждением ценности личности, устранением неравенства. Экономическая основа этой тенденции – утверждение личной собственности, а политическая – теория «естественных прав» личности. Среди вех, отмечающих нарастание данной тенденции, Абалкин указывает не только отмену рабского труда и крепостной зависимости и формирование среднего класса, но и приватизацию собственности. Одновременно с первой тенденцией идёт процесс преодоления отчужденности, нарастание коллективистских начал, социализация общественной жизни. Появляются коллективные формы организации производства, негосударственные структуры гражданского общества. В работе экономиста Абалкина можно увидеть продолжение подхода социолога Зиммеля, который, как свидетельствуют его собственные слова, писал об одновременном возвышении значения для человека и приватного, и публичного начал его социальной природы.

Социологическая значимость работы, выполненной Г. Зиммелем и Л. И. Абалкиным, состоит в том, что развиваемый ими подход позволяет найти новые аргументы в споре со сторонниками точки зрения, например, социологами Дж. Урри и М. Шелером [16, с. 263], о том, что разница между приватным и публичным становится в современном обществе менее значительной и заметной. В свою очередь, актуальность работы А. Хиршмана, Р. С. Гринберга и А. Я. Рубинштейна состоит в том, что применение циклического подхода позволяет обратить внимание на перспективность изучения социологами промежуточных состояний или переходных периодов между доминированием в социуме частных (приватных) и общественных (публичных) сфер, благ и интересов. Обращаясь к изучению этих состояний и периодов, социологи также могут найти аргументы в споре с Урри и Шелером. Обоснование может заключаться в том, что снижение разницы между приватным и публичным в современном обществе является кратковременным явлением и обусловлено неопределенностью переходного периода.

Подведем итог. Хотя социологи и не достигли согласия относительно понимания значения дихотомии приватного и публичного, в предлагаемых ими объяснениях можно обнаружить общую линию. Публичное и приватное рассматривают как формы осознания человеком социальных и личностных способов деятельности и поведения [29]. Такая трактовка может вести к рассмотрению дихотомии приватного и публичного как частной формы одного из фундаментальных теоретических различий в социологии: индивидуализма и холизма [6, с. 55]. На наш взгляд, приватное и публичное вправе претендовать на их оценку как одного из фундаментальных теоретических различий в социологии, позволяющих выразить то содержание социальной сущности человека, которое не может быть выражено с помощью других дихотомий.

Приватное есть понятие, посредством которого выражается не только частное, индивидуальное начало человеческой природы, то, что Дж. Бейли называл «социальным частным», но и те его стороны, которые не могут быть подключены к публичному, общественному началу без сопротивления или затруднений. Само существование каждого из нас, физическое, телесное и психическое, способствует нашей автономии. Самые глубокие, интимные, оригинальные стороны натуры каждого из нас не могут быть доступны и понятны другому человеку так, как они доступны и понятны их обладателю. Поэтому согласование наших мыслей и действий, их приведение к общим социальным формам никогда не бывает полным. В этой части социальной природы человека и находит место приватного. С другой стороны, приватность есть желанное право неприкосновенности существования отдельного человека, чья частная жизнь не должна находиться под нежелательным для него внешним контролем со стороны общества и государства. Благодаря такому пониманию приватного становится возможным объяснение ряда идущих в современном обществе процессов. Рост приватности жизни и приватизации в экономике, особенно заметные в последние 20-30 лет, можно объяснить как форму реакции отдельных людей и организаций против своего многовекового подчинения государству, общественному контролю и традиционным институтам. В движении к повышению приватности жизни и приватной сферы мы видим стремление людей не только восстановить границы между частным и общественным, а точнее, той его частью, которая покорена государством, но и существенно их укрепить. Свою роль в укреплении приватизации играет и возросшая степень открываемости частной жизни людей благодаря появлению электронных информационно-коммуникативных технологий, позволяющих осуществлять периодический или практически постоянный контроль над людьми как со стороны родственников, знакомых и коллег, так и со стороны государства и социальных организаций. Стремление приватизировать некоторые общественные блага и рост численности собственников, например, своего жилища или дачи, может иметь и психологические предпосылки. В мире, где растут неопределенность и риски, обладание имуществом придаёт человеку больше уверенности, гарантии некоторой личной защищённости и безопасности. В общем социологическом понимании приватное есть свойство, присущее людям по их природе, отграничивать, то есть, приватизировать, какую-то часть общего социального пространства, блага, информации, норм и ценностей, с целью их использования в частных интересах [29]. Это стремление к приватизации присуще человеку на всех уровнях социальной организации – индивидуальном, первичной группы, профессиональной общности, корпорации, класса и др. Оно было слабым на ранних стадиях развития человеческой цивилизации и всё время усиливается. Его негативная сторона состоит в политическом и гражданском неучастии, стремлении к частным благам, расходящимся с благами общественными, создании и сохранении режима конспирации, секретности, сокрытия от общества, государства и «непосвящённых» людей каких-то знаний, «тайн».

Поэтому и существует другое начало человеческой природы – публичное, общественное. Оно связано с интересами, правами и благами большинства. Также публичное – это открытое для обозрения, доступа, использования. Это может быть открытое для доступа пространство – площадь или улица; общественные блага, например, земля и вода; жизнь, проводимая людьми вне дома, в общественном месте. Наконец, публичное – это вообще широко распространённое, употребляемое большинством, обычное. Публичное связано с благосостоянием и солидарностью людей в обществе. В публичном пространстве и в публичной сфере более или менее открыто и свободно обсуждаются и решаются вопросы, представляющие общественный интерес. Важнейшими чертами публичного являются гласность, открытость и доступность.

В приватном мы имеем дело и с тем, что З. Бауман назвал непрекращающейся индивидуализацией, и с тем, что можно характеризовать как возвышение ценности частного начала социальной природы. В публичном, если обратиться к терминологии Г. Зиммеля, мы наблюдаем столь же непрерывный процесс обобществления частной стороны человеческой жизни. Такой подход близок, как мы полагаем, к характеристике приватного и публичного как фундаментального упорядочивающего принципа, действующего практически во всех известных обществах [23, с. 67], и к его рассмотрению как механизма, ведущего к кооперации между личным самоосуществлением и человеческой солидарностью.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Россия: поиск самоопределения: очерки. М.: Наука, 2005. 464 с.
2. Гидденс Э. Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005. 629 с.
3. Гражданников Е. Д., Холушкин Ю. П. Системная классификация социологических и археологических понятий. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1990. 183 с.
4. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: Институт экономики РАН, 2008. 482 с.
5. Дамберг С. В., Соколов Н. В. Петербург – предмет и поле: новая публичность и новые места // Санкт-Петербург в зеркале социологии / под ред. В. В. Козловского. СПб.: Социологическое общество имени М. М. Ковалевского, 2003. С. 24-58.
6. Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003. 331 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.
8. История социологии: учебник: в 3-х кн. / под ред. проф. В. И. Добренкова. М.: ИНФРА-М, 2004. Кн. 1. История социологии (XIX – первая половина XX века). 592 с.
9. Кострюкова О. Н., Осипов Г. Р., Саренков А. А. Семантический анализ концепта «подчинение» в поле оппозиции «приватное-публичное» // Полис. 2007. № 1. С. 62-70.
10. Кравченко С. А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15 000 словарных статей. М.: РУССО, 2002. 525 с.
11. Права собственности, приватизация и национализация в России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2009. 504 с.
12. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 535 с.
13. Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 254 с.
14. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
15. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
16. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
17. Федоров Б. И. Логико-гносеологическая природа сравнения // Логико-философские штудии – 2: сборник статей / под ред. С. И. Дудника, Я. А. Слинникова. СПб.: Санкт-Петербургское философское об-во, 2003. С. 159-170.
18. Философская энциклопедия: в 5-ти т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. 592 с.
19. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика; Современник, 2009. 845 с.
20. Шкудунова Ю. В. Соотношение публичной и приватной сфер жизнедеятельности: социально-философский аспект: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2006. 19 с.
21. Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории / пер. с англ. П. А. Развина, Е. И. Бухаровой. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
22. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.
23. Элштайн Дж. Б. Императивы приватного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 64-88.
24. Bailley J. Some Meanings of the “Private” in Sociological Thought // Sociology. Cambridge, 2000. Vol. 34. No. 3. P. 381-401.
25. Charlesworth H. The Public/Private Distinction and the Development in International Law [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/AUYrBKIntLaw/1989/9.html> (дата обращения: 26.08.2015).
26. Chittolini G. The “Private”, the “Public”, the State // The Journal of Modern History. 1995. Vol. 67. Issue 4. P. 34-61.
27. Cladis M. S. Public Vision, Private Lives. Rousseau, Religion, and 21st-Century Democracy. N. Y.: Columbia University Press, 2003. 298 p.
28. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / par A. Ernout et A. Meillet. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1939. 1184 p.
29. <http://www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/34.html> (дата обращения: 25.10.2015).
30. Kohn M. Brave New Neighborhoods: the Privatization of Public Space. N. Y.: Taylor & Francis e-Library, 2005. 189 p.
31. Muller C. “It’s Not about Privacy, It’s about Control!”. Critical Remarks on CCTV and the Public/Private Dichotomy from a Sociological Perspective [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socio5.ch/pub/sheffield-privacy.pdf> (дата обращения: 28.08.2015).
32. Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy / ed. by J. Weintraub, K. Kumar. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1997. 380 p.
33. Riesman D., Glazer N., Denney R. The Lonely Crowd. New Haven – L.: Yale University Press, 1966. 315 p.
34. Schoenfeld E. Privatization and Globalization: a Durkheimian Perspective on Moral and Religious Development // Archives des sciences sociales des religion. 1990. Vol. 69. P. 27-40.
35. Simmel G. The Sociology of Secrecy and of Secret Societies // American Journal of Sociology. 1906. Vol. 11. P. 441-498.

DICHOTOMY OF PUBLIC AND PRIVATE IN SUBJECT MATTER OF SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE

Mel'nikov Mikhail Vasil'evich, Ph. D. in Sociology
 Novosibirsk State Technical University
 halkidon_n@list.ru

The aim of the article is to investigate the usage of the dichotomy of public and private in sociology and to substantiate the application of the received results in order to explain the current changes in the society. The insufficient intensity of the study of private and public by sociologists is caused by the drawbacks of the existing system of disciplinary boundaries between sciences. The author proves that private and public have a right to aspire to a role of one of the fundamental theoretical distinctions and explanatory principles in sociology.

Key words and phrases: dichotomy of public and private; private; public; private sphere; individually-personal and socially-public fundamentals of human nature.